
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

А.Ю. Русаков

Факультет журналистики СПбГУ

Васильевский остров, 1-я линия, 26, Санкт-Петербург, Россия, 199004

Предмет авторского рассмотрения — современные информационно-коммуникативные технологии, их культурно-исторические основания и предпосылки, их доминирующие модели, а также возможные и фактически действительные последствия (позитивные и негативные) их развертывания как в локальном, так и в мировом социокультурном измерении; особое внимание автором уделяется аналитической и оценочной характеристике соотношения экспансирующих информационно-коммуникативных технологий и ценностно-гуманистических традиций, переживающих симптомы кризиса в пространстве виртуальной реальности (информационной онтологизации).

Стремительное развитие и распространение информационно-коммуникативных технологий в современном обществе, как и любое новое масштабное явление, несет не только очевидное решение многих проблем, но и возможные опасности для общества, которые связаны, прежде всего, с непредсказуемостью последствий этого быстроразвивающегося феномена. Сегодня складывается новое мироощущение. Пространственное восприятие человека с появлением современных средств связи и сообщений расширилось до предела всей планеты. Развитие информационно-коммуникативных технологий (далее по тексту — ИКТ) касается, прежде всего, самого человека, его социального окружения, поэтому именно социально-философский анализ процессов информатизации в обществе позволяет определить перспективы и вероятные последствия данного развития.

ИКТ необходимо рассматривать не только и не столько как совокупность технических средств передачи сообщения, но и как совокупность алгоритмов и методов информационно-коммуникативного воздействия на человека. Сравнительный анализ технических нововведений по тиражированию информации в различных регионах мира показывает, что их судьба во многом зависит от уровня развития социальных отношений. Это позволяет говорить о том, что ИКТ имеют социальную обусловленность. Соответственно, каждая общественная формация благодаря сложившимся социальным отношениям имеет свою доминирующую модель ИКТ. Таких моделей три: однонаправленная (мобилизационная) — свойственная доиндустриальному периоду, модель общественного информирования — модель индустриальной эпохи и транзакционная модель — наиболее адекватная постиндустриальному периоду развития общества. Основным принципом, который позволяет отличить эти модели — субъект-объектные отношения. Общая тенденция развития этих моделей, соответственно, выглядит как переход от вертикальной модели информационного обмена к горизонтальной — партнерской. Гуманистическая направленность этих изменений очевидна.

Однако в последнее время в оценке перспектив дальнейшего развития ИКТ возникают тревожные настроения по поводу возможностей сохранения указанной тенденции. Это связано с тем, что в современном мире все большую роль играют новые технологии, в том числе и в информационно-коммуникативной сфере. Техническое развитие средств связи и обработки информации оказывает значительное влияние на экономику, политику и культуру. Новые возможности, которые получают ИКТ благодаря техническим нововведениям, пробуждают оптимизм и, одновременно, тревогу. Радужные прогнозы в ранних работах теоретиков информационного общества постепенно сменились алармистскими настроениями. Настороженность в прогнозах связана с тем, что усиление мощи технической составляющей информационно-коммуникативного воздействия может быть обращена не только во благо, но и во вред человеку. Некритическое отношение к теории информационного общества не позволяет правильно оценить негативные тенденции информационной онтологизации социального пространства.

Научно-технический прогресс во второй половине XX века стал главной причиной быстрого экономического роста развитых стран в условиях стабильной хозяйственной конъюнктуры, но активное использование научно-технических знаний в производстве было обусловлено, прежде всего, социальными отношениями. Во-первых, это было связано с экономической конкуренцией. Во вторых, период безнаказанной эксплуатации эпохи «дикого капитализма» породил настолько мощные социальные движения конца XIX — начала XX века, что извлечение прибыли из одной только эксплуатации наемных работников стало чревато серьезнейшими социально-экономическими и социально-политическими последствиями, что заставило правящие классы общества перейти от эксплуатации людей к эксплуатации сил природы с помощью знаний, что и вылилось в феномен научно-технической революции.

Информационное общество возникает там, где главным становится управление не материальными объектами, а символами, идеями, образами, интеллектом и где большинство работающих занято производством, хранением и реализацией информации, особенно ее высшей формы — знания. Именно обработанная информация как знание имеет практическое значение для социума. Она изменяет общество на каждом структурном уровне его организации. Умение добывать, накапливать и использовать информацию — условие развития социума. В то же время «обработанная» с помощью передовых технологий информация, которая к тому же далеко не всегда является знанием, несет потенциальную угрозу. Это связано с новыми возможностями т.н. симуляционных технологий, которые являются «симбиозом» информационно-коммуникативных и социальных технологий, создавая при этом феномен виртуальной реальности в экономической, политической и социальной сферах. Соединение или «симбиоз» информационно-коммуникативных и социальных технологий имеет весьма условное значение, т.к. социальные технологии всегда обладали информационно-коммуникативным потенциалом, поэтому информационно-коммуникативные технологии можно определить как

социально обусловленную совокупность интегрированных приемов и методов информационно-коммуникативного воздействия. Сегодня, когда речь идет о поглощении или исчезновении социального, о замене социального опыта информационно-коммуникативными взаимодействиями, то термин «симбиоз» представляется наиболее удачным с точки зрения объективного исследования данной проблемы.

Понятие «социальная технология» в своем первом приближении может быть охарактеризовано как практически ориентированное социальное знание, которое используют субъекты социальных взаимодействий, осуществляющих информационное воздействие на сознание и поведение людей, социальных групп через систему публичных дискурсов в процессе социального управления и духовного производства. Одна из первых попыток дать научно обоснованное определение понятия «социальная технология» была предпринята К. Манхеймом [10]. Данное понятие рассматривалось им достаточно широко. Целью развития того или иного общества на определенном этапе, по мнению К. Манхейма, является модернизация. Эта цель не может осуществляться без ряда изобретений и усовершенствований экономической, политической и социальной технологий. «Социальная технология» — это совокупность методов, оказывающих влияние на поведение человека, средство социального контроля и эффективный инструмент формирования общественного мнения, как универсальный механизм производства и тиражирования идей.

Однако прежде чем начать преобразования, необходимо подготовить человека, способного осуществлять эти преобразования. Поэтому одной из таких социальных технологий, по К. Манхейму, является образование, так как именно с его помощью реализуются цели общества, идет подготовка того типа личности, который нужен данному обществу для его успешного функционирования и развития. Разные трактовки понятия «социальная технология» выделяли те или иные признаки, но почти все указывали на то, что это практически ориентированное социальное знание. В. Афанасьев, будучи одним из первых популяризаторов социальных технологий в нашей стране, отмечал: «Социальная технология — важнейший момент механизма управления, поскольку она являет собой средство перевода требований объективных законов на язык качественной практики, практики социального управления. Это перевод абстрактного языка науки, отражающей объективные закономерности развития общества, на конкретный язык решений, нормативов, предписаний, регламентирующих, стимулирующих людей, каждого конкретного человека «на наилучшее достижение поставленных целей» [5. С. 235]. Некоторые исследователи рассматривали социальные технологии как «своеобразный механизм соединения социологических знаний и социальных резервов с условиями их реализации» [12. С. 186], кто-то как «совокупность знаний о способах и средствах организации социальных процессов, сами эти действия, позволяющие достичь поставленные цели» [8. С. 95]. Некоторые авторы считают, что социальные технологии моделируют не отдельные социальные процессы, а жизнь общества в целом, и становятся реальной альтернативой

«всякой иной форме общественных изменений: социальной эволюции и социальной революции, социальным реформам и социальным трансформациям» [9. С. 316].

Использование социальных технологий с применением новых информационно-коммуникативных технологий в социальных процессах современного общества явилось мощным ресурсом, позволяющим выявить и использовать скрытые потенциалы социальной системы, повысить эффективность управленческого воздействия, решить многие социальные проблемы. В то же время, благодаря техническим возможностям, многократно возрастают возможности способов информационно-коммуникативного воздействия на общественное сознание. Появление возможностей информационного моделирования с помощью новых технологий ознаменовало появление новых возможностей для усиления эффективности информационно-коммуникативного воздействия через создание виртуальной реальности. Субъект в процессе общения с фактами этой виртуальной реальности (симулякрами, по Бодрияру) получает совокупность переживаний, которые не только сопровождают, но и мотивируют его деятельность, побуждая к дальнейшему ее продолжению и углублению. Это приводит, по Ж. Бодрияру, к тому, что «мы перестали соотноситься со сферой реального» [2. С. 12].

Социально-философская интерпретация взаимодействия информационно-коммуникативных технологий и общественных отношений постиндустриального общества предполагает, что создание симуляционной социально-институциональной практики ведет к тому, что социальные процессы становятся вполне прогнозируемыми и программируемыми. Так, по мнению Ж. Бодрияра, следствия приобретают определенную автономию, делающую возможным обратное воздействие на причины. Это позволяет говорить об обратном воздействии информации на реальность и о том, что мы «входим в чистую фикцию, открываем иллюзию мира» [2. С. 170]. При этом Бодрийяр выделяет четыре стадии развития образа, которые можно сопоставить с им же выведенными стадиями симуляции. На первой стадии образ отсылает к сакральному (образ отражает реальность), на второй модифицируется и становится злом (образ искажает и скрывает реальность), на третьей становится колдовским (образ скрывает отсутствие реальности), на четвертой — чистым моделированием (образ не имеет никакого отношения к реальности) [6].

О наступлении эпохи информационного моделирования говорит и М. Постер [4]. Он утверждает, что для адекватного понимания социальных отношений в эпоху конвергенции вычислительной техники и техники средств связи необходимо исследование изменений в структуре коммуникационного опыта. Концентрируясь на изменениях в языковом аспекте культуры, связанных с электронным письмом, базами данных, компьютерными сетями, он предлагает концепцию способа информации в качестве шага на пути к теории, которая была бы в состоянии расшифровать лингвистическое измерение этих новых форм социальных взаимодействий. Термин «способ информации», подчеркивает автор, служит для перио-

дизации прошлого в соответствии с различными способами информации и в качестве метафоры для современной культуры, придающей информации в некотором смысле фетишистское значение. На первой ступени (устно опосредованный обмен «лицом к лицу») субъект задается в горизонте его внедрения в совокупность межличностных отношений. На второй ступени (письменный обмен, опосредованный печатью) субъект конструируется как агент, являющийся центром рациональной/воображаемой автономии. На третьей ступени (электронно-опосредованный обмен) субъект децентрализуется, рассеивается и множится, предоставляя информацию о себе для самых различных баз данных. Концепция М. Постера вполне убедительна, и ее можно принять, если рассматривать с позиции социальной обусловленности способов информации. Собственно говоря, создание виртуальной реальности возможно и без помощи современных информационных технологий и компьютерных техник, но обязательно с применением логики виртуальной реальности.

Многие авторы сегодня полагают, что технологические инновации XX века в последние десятилетия привели к качественному сдвигу, вследствие которого воображение стало одним из определяющих социальных факторов, что, в свою очередь, породило множество «воображаемых миров». Так, А. Аппадурраи в своей книге «Современность на просторе: культурные измерения глобализации» [1] постоянно использует термин «работа воображения». Он особо подчеркивает небывало высокое значение воображения в сегодняшней социальной жизни. Исходная посылка состоит в том, что электронные посредники кардинально меняют все поле масс-медиа и оказывают определяющее воздействие на традиционные средства коммуникации. Благодаря множественности своих форм и интенсивному пронизыванию повседневной жизни они предоставляют новые ресурсы и новые рамки для конструирования социальных миров.

Любая технология — это, по сути, инструкция, точное следование которой приводит к ожидаемым результатам. Появление таких информационно-коммуникативных инструкций было социально обусловлено фактом развития общества, увеличением информационного обмена, необходимостью облегчения обмена, в том числе и через унификацию основных приемов и правил информационного воздействия и взаимодействия. Сегодня унификация этих правил и приемов благодаря техническим возможностям приобрела столь масштабный характер, что охватывает почти все сферы жизнедеятельности человека, его социальные отношения и взаимодействия. Это позволило многим исследователям говорить о т.н. информационной онтологизации, о кризисе и даже о конце социального.

На наш взгляд, нет сомнения, что пророчества о смерти социального преждевременны, но, как и любое пророчество, оно провокационно попытками ему следовать. Частичная или полная замена социального, как это ни парадоксально выглядит, ведет к потере индивидуального в человеке. Человеческая особь формируется, прежде всего, в социальных условиях, которые имели определенную степень разнообразия и по воздействию, и по восприятию их индивидом. Теперь же, ког-

да масштаб и изощренное развитие способов информационного воздействия столь велики, замена естественного (социального) опыта искусственным (информационным) фактически создает условия для тотальной унификации личности, а через эту унификацию — к девальвации и уничтожению личности как таковой. Перефразируя М. Маклюэна, можно сказать, что человека-личность постепенно заменяет человек-message, но не в духе сократовской майевтики с его врожденными знаниями. Человек-message не имеет своих идей. Он становится информационным сообщением, причем тоже условно, т.к. это сообщение не имеет никаких других реципиентов, кроме таких же человеко-messageй. Другой человек перестает быть зазеркальем, т.е. непонятным и загадочным миром, но становится отзеркальем. Эта «невыносимая реальность» вечного повторения себя в других и ведет, с одной стороны, к «массовизации» общества, а с другой, к феномену трансгрессии в различных формах — фундаментализм, терроризм, а теперь еще и немотивированная агрессия (расстрелы людей в магазинах, в университетах и т.д.). Бодрийяр считал самым тяжким запретом современного общества запрет на инаковость. Проблема Другого — это не проблема неприятия другого, а проблема ненависти к самому себе, связанная с бесконечным процессом отождествления и вызванная досадой из-за потери инаковости.

Замена человека мыслящего, думающего на человека, следующего определенным правилам, инструкциям, т.е. технологиям, которые представляют собой вариант нового инстинкта — информационно-технологического — не отменяет необходимости думать при выборе инструкции, но и здесь логика выбора, скорее всего, будет определяться уже не мыслительными и творческими факторами, а инструктивной, т.е. технологической по сути методологией. Технология втягивает все и вся в процесс упорядочивания, который, по Хайдеггеру, определяется пустотой как «оставленностью бытием».

Разумеется, неверно было бы говорить о прямолинейных технологиях манипуляции и управления человеком. В рамках этой деятельности приобретают огромное значение новые смысловые коннотации, что свидетельствует об изменении механизмов информационно-коммуникативного воздействия, отказывающихся от прямолинейных технологий власти и замещающих их скрытыми, неявными, что создает определенную иллюзию ее демократичности. При этом мышление, сформированное средствами массовой коммуникации, проявляет устойчивый иммунитет к способности рационального критического осмысления реальности. Многие видные философы, социологи современности указывают на новые формы идеологизации, в том числе и через формирование сознания человека-приобретателя. Так, в разработках новых концептуальных средств для анализа идеологических аспектов социального развития у Н. Моузелиса методологическим ядром является категория способа доминирования, которая «...призвана напоминать социальным исследователям и историкам о существовании политических технологий, отношений доминирования и политических идеологий...» [3. С. 79]. Исследователь и философ С. Жижек признает, что коммуникативное пространство информационного общества также насыщено мифами, символами, идеологемами, кото-

рые регулировали и нормировали массовое сознание в прежние эпохи. Более того, он утверждает, что «идеология представляет собой не просто «ложное сознание», иллюзорную репрезентацию действительности. Скорее, идеология есть сама действительность, которая должна пониматься как «идеологическая» [7. С. 29].

Идея деидеологизации себя не оправдала, желаемого очищения сознания людей от неясной терминологии и символики не произошло. Ценности и интерпретативно-идеологические конструкты являются неустранимыми и имманентно присущими сознанию и по своей природе трансрациональны, то есть основаны на эмоциях, бессознательном, подсознательном. В начале XXI века люди, пользуясь достижениями науки, средствами точного анализа, не склонны расставаться с неverifiedируемым знанием: ценностями, идеалами, мировоззренческими установками, религиозными убеждениями, политическими лозунгами. Родоначальник теории деидеологизации Д. Белл в середине 70-х годов прошлого столетия пришел к убеждению о неустранимости идеологических факторов из общественной жизни и высказал мысль, что истощение старой идеологии вызывает потребность в новой. О том же писал и Г. Маркузе: «Достижения прогресса пренебрегают как идеологическим приговором, так и оправданием, перед судом которых «ложное сознание» становится истинным. Однако это поглощение идеологии не означает «конца идеологии». Напротив, в специфическом смысле развитая индустриальная культура становится даже более идеологизированной, чем ее предшественница, ввиду того, что идеология воспроизводит самое себя» [11. С. 15].

Жан Бодрийяр задается вопросом о том, что делать с остатками угасших идеологий, революционных утопий, мертвых концепций, продолжающих засорять наше «ментальное пространство». По его мнению, вся история представляет собой «живые отбросы». «Экологический императив» требует, чтобы «отбросы» были вновь пущены в дело, подвергнуты вторичной переработке. Здесь остро встает проблема виртуальной реальности и ограничения человеческой свободы. С одной стороны, виртуальность предоставляет человеку новую степень свободы. Новые информационно-коммуникативные технологии создают уникальные возможности прямого диалога между людьми практически вне зависимости от ситуации и их физического местонахождения. Но, с другой стороны, информационно-коммуникативные технологии могут не только облегчать коммуникацию, но и, вследствие своей инструментальной природы, ее затруднять. По сути, происходит колонизация пространства коммуникации привычного жизненного мира передовыми технологиями. Даже в сфере науки наблюдается феномен избыточной информации, что затрудняет и ограничивает критические возможности познающего субъекта, не говоря уже о сфере идеологии, где субъективизм и предвзятость всегда были нормой.

Симуляционные информационно-коммуникативные технологии несут потенциал, способный разрушить многие конститутивные элементы в традиционной структуре человеческого опыта, поставить его под контроль, а в перспективе и вовсе заменить его. Человеческий опыт традиционно сопротивлялся попыткам ограничения своей свободы с помощью культурных регуляторов, но против совре-

менных технологических регуляторов свободы он может оказаться бессильным. Человек не может быть свободен от общества в целом, но он должен иметь возможность свободы от отдельных лиц или их групп. Преобладание информационных симуляторов способно кардинально изменить фундаментальные отношения субъекта и объекта (практики и познания), которые задают основополагающие установки и ценности сознания. Возникают вопросы об обладании свободой воли, свободой творить свою судьбу.

Симбиоз социальных и информационно-коммуникативных технологий, при возрастающем техническом и методологическом могуществе последних, может привести к изменению глубинных механизмов, формирующих самосознание, самопонимание, самооценку; причем это может быть сделано как преднамеренно, так и за счет неких естественных вариаций и комбинаций новых технических и технологических возможностей в информационно-коммуникативной сфере. Создание иллюзии диалога с общественностью в виде звонков в студию, соцпроповедов в режиме реального времени, обсуждение на гостевых форумах и чатах в сети Интернет может оказаться камуфляжем. Симуляционные технологии позволяют скрыть истинные цели коммуникатора, которые могут быть связаны не с интересами пользователей (как пишут в практически во всех глоссариях при определении ИКТ), а с телеологическими особенностями модели общественного информирования (добиться одобрения аудитории) или однонаправленной модели (добиться действий в определенном направлении).

В странах с демократическими традициями, уже вступивших на путь постиндустриального развития, у симуляционных информационно-коммуникативных технологий будет меньше шансов быть использованными в качестве мобилизационных моделей под видом партнерских, чем в тех странах, где уровень развития общественных отношений соответствует доиндустриальному и индустриальному этапу. Развитие и распространение новых ИКТ в странах, где преобладают социальные отношения доиндустриального и индустриального периодов, не способны дать ожидаемый эффект без дополнительных усилий по организации социального пространства в этих странах. Более того, внедрение более технически совершенных информационно-коммуникативных средств может дать мощный инструмент в руки тех социальных групп, которые заинтересованы в консервации социальных отношений. Отсутствие устоявшихся структур гражданского общества, а также традиций социального контроля за действиями политических акторов в некоторых странах может привести к тому, что технические новшества в информационно-коммуникативной сфере станут формой идеологического давления на общественность и политического контроля за их деятельностью со стороны власти. Соответственно, распространение современных ИКТ в странах с ограниченной потребностью в информационном обмене может иметь результатом использование новых информационно-коммуникативных технологий в регрессивных целях.

Все названные проблемы — это не проблемы информатизации, это, прежде всего, проблемы самого общества. Мы можем технически обеспечить все объяв-

ленные стратегические проекты: «Электронное правительство», «Электронная Россия» и т.д, но развитие без учета социальных отношений и гуманитарной составляющей по пути технократической медиатизации (с помощью только лишь программно-технических средств и симуляционных ИКТ) ведет к коммодификации информации и превращению ее в зону властно-дисциплинарного контроля. Это делает весьма проблематичным развитие ИКТ как инструмента социально-экономического, политического и культурного развития общества.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Appadurai, Arjun. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis. — London: Univ. of Minnesota Press, 1996.*
- [2] *Baudrillard Jean. L'illusion de la fin ou la greve des evenements. — Paris: Galilee, 1992.*
- [3] *Mouzelis N.P. Post-Marxist alternatives: the construction of social orders. — L.: Macmillan press, 1990.*
- [4] *Poster M. The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context. — Cambridge: Polity Press, 1990.*
- [5] *Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом. — М., 1977.*
- [6] *Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Пер. С.Н. Зенкина. — М.: Добросвет, 2000.*
- [7] *Жижек С. Возвышенный объект идеологии...: М.: Художественный журнал, 1999.*
- [8] *Зайцев А.К. Внедрение социальной технологии в практику управления // Социальное развитие предприятия и работа с кадрами. — М., 1989.*
- [9] *Курбатов В.И., Курбатова О.В. Социальное проектирование. — Ростов н/Д, 2001.*
- [10] *Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. М.И. Левиной и др.; Ред.-сост. Я.М. Бергер и др. — М.: Юрист, 1994.*
- [11] *Маркузе Г. Одномерный человек.*
- [12] *Социальные технологии: Толковый словарь. — М., 1995.*

INFORMATION AND COMMUNICATION'S TECHNOLOGIES AND THE PROBLEM OF CONSERVATION AND DEVELOPMENT OF HUMANISTIC TRADITIONS

A.Y. Rusakov

Faculty of Journalism of St-Petersburg State University
Vasilievsky Island, 1 Line, 26, of St.-Petersburg, Russia, 199004

The subject of authors consideration is modern information and communication technology, their cultural and historical foundation and precondition of their dominant model, as well as possible and in fact the real impact (positive and negative) of their deployment in the local as well as global socio measurement; author gives special attention to analysis and evaluation of characteristics of ratio of information and communications technologies and value-humanist traditions, experiencing symptoms of the crisis in the space of virtual reality.